Моё Приморье

В. Маяковский однажды написал: «Очень жаль мне тех, которые не бывали в Евпатории».

Мне очень жаль тех упорных домоседов, кои не бродили по лесу дальше Ботанического сада и Шаморы, не наслаждались красотой нашего удивительного края, не сплавлялись по его рекам, не поднимались на его самые высокие вершины, на которых от умиления или восторга начинаешь ощущать вместо лопаток подкрылки ангела, где душа обретает полётность и истаивает в наслаждении.

Я пишу прежде всего для этих не побывавших, не увидевших, ещё не знающих наш край. Конечно и в самом Владивостоке, никуда не уезжая, поднявшись лишь на сопку Орлиную и увидев сразу с одной точки и проспект Столетия и Амурский залив с мысом Песчаным и бухту Тихую, и два острова: Русский, Рейнеке, и Попова и пролив Босфор, отделяющий их от материка, уже придёшь в восхищенье, как приходили в него пытливые и наблюдательные люди всегда.

Приведу лишь два свидетельства такого рода из первой половины прошлого века.

В.К.Арсеньев:

И вот мечта моя сбылась!
Я въехал во Владивосток.
Сердце моё от радости замирало в груди.

А вот что писал занимавший более десяти лет пост министра ВМФ адмирал Н.Г.Кузнецов:

«Я побывал во многих уголках земли. Но нигде не видел более величественных мест, чем наш Дальний Восток. Уж как расхваливают знаменитые бухты Севастополя! Но морские окрестности Владивостока ни с чем сравнить нельзя.»

Добавлю от себя – все восхищаются Одессой, - и справедливо – красивый город! Но он примкнул к морю лишь небольшой частью своего фасада, а во Владивостоке море можно видеть практически из любого его района и при этом не только одну прибрежную полоску.

Адмирал Кузнецов в частности отмечает:

«В слово Владивосток я, как моряк, вкладывал не только то, что входит в городскую черту, а несколько иное содержание. Конечно, как город, Владивосток привлекателен. Уже в первые дни, знакомясь по морским картам с Дальневосточным театром, я поражался обилию бухт, заливов, островов близ Владивостока. Но ещё более сильное впечатление произвели они на меня при осмотре их с мостика небольшого сторожевика. Названия бухт – Патрокл, Улисс, Диомид – будто привезли с собой попавшие сюда невзначай аргонавты… Просторы, просторы…»

Сегодня, с появлением мостов и открытием Русского острова эти просторы, эти захватывающие виды на пролив, бухты, заливы, острова и островки открылись каждому.

Со временем эту величественную красоту будут оценивать всё большее число и иностранных туристов, ибо Владивосток несомненно ждёт великолепное будущее. Это отмечают и наши гости.

Жерар Депардье:
«Владивосток – практически как имя какого-то поэта, которое вызывает много эмоций. Я в первый раз здесь, но заметил, что в городе идут большие перемены. Мне кажется, что через несколько десятков лет Владивосток будет напоминать Средиземноморье».

Известный музыкальный критик Максим Троицкий недавно заявил: «Владивосток скоро станет третьей столицей России». Убеждение это не ново. Ещё более полувека назад Новелла Матвеева как поэт пророчествовала:

О Владивосток! Вопреки всему
Злу земли – суете и смешению,
Низко издали кланяюсь я твоему,
До сих пор не открытому гению!
О Владивосток!
Далям вопреки –
Ты воистину русский, ты нашенский!
Не сменяй женьшень на пучок репья,
Окупи его жертву – сторицею!
На Святой Руси назовут тебя
Пятым портом и третьей столицею.

Всем, кто любит природу, походы и путешествия и кто живёт на Дальнем Востоке, в Приморье, невероятно повезло.
Я тоже в этом плане счастливый человек и просто хочу поделиться своим ощущением радости и счастья с другими.

Будучи кандидатом в мастера спорта по спортивному ориентированию я побывал на сборах, соревнованиях во многих красивейших уголках СССР, практически во всех регионах России. В последние же годы посетил много зарубежных стран и скажу: более привлекательных мест, чем Дальний Восток и особенно Приморье, нет на самом деле.

Мой друг, заслуженный ветеран-геолог, исходившая немало троп по землям Советского Союза и за границей, идёт ещё дальше: «Мне уже неинтересны заграничные города, их архитектура и искусство, а привлекает лишь природа да и за природой чего туда ездить – всё равно лучше, чем мой Сахалин и наше Приморье, на свете ничего нет». Я, признаюсь, ещё езжу и за искусством в зарубежье, но в чём абсолютно согласен – нет на земле более величественных и манящих уголков, чем в дальневосточных землях, в нашем Приморье.

Дальний Восток восхищает многим – гигантизмом растительности (лопух, к примеру, более 1 метра в диаметре), обилием нерестовых речек, речушек Сахалина, фумаролами Курил, гейзерами, вулканами Камчатки, безмолвием, бескрайностью Заполярья, суровой красотой Колымы, Охотского побережья, но прежде всего своими просторами и масштабами, своей первозданностью.

На Дальнем Востоке, я уверен, с каждым годом будет всё больше иностранных и наших туристов. Ещё более великолепные перспективы в плане туризма ожидают Приморский край, потому что во многих отношениях он уникален и не имеет себе равных по богатству природы.

Бытует две легенды об этом. По первой – небесный Отец, облетая планету и разбрасывая дары и красоты природы, долетев до края земли, высыпал всё, что осталось, на Приморье; по другой, несколько схожей, версии он, утомившись, присел отдохнуть и у него из прохудившегося мешка высыпалось очень много животных и растений, которые предполагалось разбросать планомерно в других местах, но они, выпав и смешавшись, достались нашему краю.

И действительно, по богатству растительных и животных форм Приморью нет равных. По разнообразию северных, умеренных и субтропических видов жизни, ввиду их смешения, по числу реликтов и эндемиков Приморью принадлежит исключительное место.

Из-за особенностей климата, определяемого тем, что, как шутят, «широта у нас крымская, а долгота колымская», на одной и той же горе внизу растут дикий виноград, аралия, элеутерококк, женьшень, тис, бархатное дерево с пробковой корой, вьются лианы актинидии, краса осени – леспедеца (японская хаги), в долине цветут великолепные лотосы – все это дети юга, над ними монгольский дуб, корейский кедр, а на самых северных уступах – лиственница, кедровый стланик, кривые каменные берёзы, а на самом верху – тундровые лишайники. И всё это часто так густо переплетено – без тропы не пробраться.

Никогда не забуду картину, которая буквально потрясла нас. Авантюрно (потому что шли на сплав лишь вдвоём), спустившись с одной из самых высоких гор нашего края – Облачной (выше неё лишь гора Аник) и выйдя к руслу реки Милоградовки, мы, забыв о своей клятве беречь цветную плёнку (тогдашний дефицит) вмиг её истратили, постояв, правда, перед этим молча минут пять как завороженные. Невозможно было оторваться от явленной красоты. Наши взгляды от синевато-бледной узкой береговой кромки ещё оставшегося на речке льда медленно вместе с камерой поднимались к изумрудным весенним травинкам, от них к нежно-фиолетовым соцветиям багульника, так густо покрывшего сопку, как будто кто-то накинул на неё гигантскую сиреневую косынку, от него к пурпурным махровым роскошным рододендронам, уступавшим место белоснежным берёзам, цветущим белым диким яблоням, затем к тёмным елям, переходящим к нежно-зелёным

распустившимся лиственницам, а надо всем этим - бездонное майское голубое небо.

Поистине завораживающая картина! И таких мест было немало, причём на совершенно безлюдном пространстве. За неделю путешествия мы встретили, да и то случайно, лишь двоих геологов. Но не только их. К ним по вечерам повадился ходить медведь и подъедать остаток ужина. В тот вечер хозяева зимовья отдали его нам. Медведь, не обнаружив угощения, разбросал со злости всю посуду, потом ушёл, но вернулся вновь, решив отомстить пополной, разбросал все разложенные по полкам образцы. Геологи были в отчаянии, а мы в страхе и восторге.

Вообще в лесах на севере Края и в заповедниках нужно быть осторожным, ибо скорее в тайге можешь столкнуться не с человеком, а со зверем. Так, в заповеднике «Кедровая падь» мы были свидетелями такого случая: в дом смотрителей заповедника вбегает пятилетняя их дочка и кричит: «Мама, папа, пойдёмте скорее погладим полосатую кошку, а то я не могу к ней забраться на камень». Мы выскочили из дома и оторопели – в 30 метрах грелась на солнце огромная тигрица.

По нашим следам несколько дней шёл очень большой тигр, вылизывая пустые банки из-под тушёнки и сгущёнки, которые он раскопал в наших «захоронениях». Мы обнаружили это, заблудившись и опять попав на свой бивуак.

Потом этот постаревший зверь, который не мог уже охотиться на диких животных, обогнал нас и задрал в Лиственном корову, а в Милоградово – лошадь. Нас он не тронул, потому что мы для него дурно пахли дёгтем, дибутилфтолатом и прочей, отпугивающей клещей химией. Видимо, это нас и уберегло.

Часто вспоминаю такую сцену, но уже не немую, как на реке, а оглашённую дикими криками, когда аквалангисты из Санкт-Петербурга после скудных северных и не намного более богатых черноморских впечатлений, нырнув на Хасане и увидев лес ламинарии высотой в десять метров и дно, усеянное разноцветными актиниями, пурпурными асцидиями, звёздами, ракушками, цветными водорослями, не могли сдержать восторженных воплей.

Неудивительно. Японское море, омывающее наш край, по видовому многообразию его обитателей занимает первое место среди морей России, а в самой его акватории именно российская часть является наиболее богатой.

Неизгладимое впечатление оставляют острова и островки – кекуры, покрытые соснами флагообразной формы, и особенно заповедный остров Петрова с его реликтовой тисовой рощей. Это настоящий сад-бонсай, многие стволы которого старше Москвы и появились ещё в языческую эпоху. Им более 1000 лет. Впечатление от острова невозможно передать в прозе, поэтому я посвятил ему стихотворение.

Остров Петрова

На земле не перечесть
Разных островов.
Только вряд ли где-то есть
Остров, как Петров.
Острова порой чаруют
Иль щемят тоской,
И лишь только он дарует
Внутренний покой.
Льётся чистый нежный воздух,
Бьёт ключом родник.
Всем даёт душевный отдых,
Кто к нему приник.
На могучих крепких лапах
Тисы, кедрачи,
Всех врачует тонкий запах
Нежной их хвои.
Вьётся узенькою лентой
Мягкая тропа,
И в любую здесь легенду
Веришь без труда.
Учит остров терпеливо
Жить без войн, крови,
А сплетенье тиса с липой
Учит нас любви.
Здесь смиряется волненье
И стихает речь.
Очень нужно поколеньям
Остров наш сберечь.
Главное его богатство -
Всем нам говорить,
Что должны с природой братство
Люди утвердить.

Не может не восхищать любого наша горная страна - Сихотэ-Алинский хребет.
Она отовсюду привлекает внимание своим неповторимым, бесконечным разнообразием.
Красотой и величием исполнены не только её самые высокие вершины – Аник, Облачная, Высокая, Ольховая, Бо-Джауса, Ливадийская (Пидан), Фалаза, но и многие другие.

Нигде я не встречал столько глубокой, неоглядной синевы в одном месте – бесконечно высокое синее небо, завораживающие взор синеющие дали предгорий и
открывающееся с вершин гор бескрайнее синее море. Синевой наполнено всё вокруг. Не случайно три огромных хребта Сихотэ-Алиня так и названы – Синий, Восточный синий и Западный синий.

Можно, кстати, наблюдать такую синеву буквально рядом. Над Седанкинским водохранилищем есть высокий утёс, который зовётся – «Скала голубого орла». С этой скалы открывается великолепный вид - синее небо вверху и внизу, в отражении водохранилища, а вокруг - густо поросшие горы. Географически ведь это же в центре Владивостока!

В горах меня часто поражало дно речек. Под тугими, хрустально прозрачными струями оно сверкало разноцветьем камней – сиреневых, фиолетовых, бордовых, тёмно-коричневых, белых, голубоватых, желтоватых в крапинку – незабываемая картина!

Но приморские горы одаряют нас не только своей внешней красой. Во-первых, они щедро поят минеральной водой – в крае её около 40 источников, больше, чем где-либо в стране. Однажды мы весь день в тайге не могли вскипятить чай - попадались лишь одни минеральные ключи.

Отважным и тем, кто никогда не наносит природе вреда, сообщаю также: в крае около 200 пещер и гротов, многие из которых ещё хранят удивительную природную красу – серебристые сосульки сталактитов, свечи сталагмитов, белоснежные, сверкающие скопления кальцитов, названные лунным молоком, необычной формы кристаллы, огромные снежинки, великолепные белые розы, тончайшие настенные узоры кораллитов, именуемых так за причудливое сходство с кораллами, – всё это навсегда остаётся в памяти. Если, конечно, люди, а вернее варвары, не будут бездумно отбивать их фрагменты кусками.

Заклинаю всех – не делайте этого! Вынесенные на поверхность, они смотрятся обычными камнями и сразу выбрасываются. А природа создавала их в течение тысячелетий! Давайте сбережём эти чудеса природы для других поколений. Будем же, наконец, разумны, как разумна природа. Особенно наша - Приморская.

Где ещё есть такая долгая, красивая, тёплая, удивительная золотая осень, как у нас?

И наконец, я люблю моё Приморье за то, что здесь помимо богатой природы много по-настоящему красивых людей с золотой душой и духовным богатством, особенно женщин.

Недавно посетивший Владивосток инженер из Италии Элио Петрелли сказал: «Я думаю, русские мужчины просто не понимают своего счастья, ведь 90% девушек и женщин, которых я ежедневно встречаю на улицах Владивостока, – просто принцессы». Подобное мнение разделяют и все другие приезжие мужчины и, безусловно, вся мужская половина Владивостока. Исключением из этого явилось лишь одно необдуманно-поверхностное и несправедливое

обобщение, высказанное несколько лет назад одним заезжим гастролёром, который не смог учесть, что
женщинам Владивостока всегда был присущ особый стиль и шик в одежде, ибо в её выборе и качестве «Торговый дом Кунста и Альберса» (ныне ГУМ) не уступал ни Парижу, ни Гамбургу, ни Венеции и превосходил Москву, а кое в чём Санкт-Петербург.

В городе порто–франко жители вообще и женщины в частности, общаясь со всем миром, отличались всегда независимым вкусом, оптимизмом, юмором, самодостаточностью и внутренней свободой, что и задело, видимо, столичного сноба, привыкшего на провинцию смотреть свысока. Как бы предвидя такое, я за 10 лет до его скоропалительного высказывания написал стихотворение, ставшее песней, - «Красавицы Владивостока». Им я и хочу завершить свои беглые размышления о нашем, моём Приморье, ибо оно для меня слагается из природы и людей,
а поскольку женщины ближе всего к человеческому идеалу, то справедливо и заканчивать о них – главной нашей гордости, главном нашем предмете любви и обожания.

Красавицы Владивостока

Красивых женщин много так
По всей большой земле.
Но во Владивостоке-то
Их больше, чем везде.
Пусть плыть вам вокруг шарика,
Всё видя по пути, –
Прелестней, чем во Владике,
Вам женщин не найти.

Владивостоковки, владивостокочки,
Известные красавицы страны.
Круты подъёмы здесь, круты здесь тропочки
И потому вы так, вы так стройны.
Владивостоковки, владивостокочки,
Как вы, красивых, трудно отыскать
Идёшь в тоске, ворчишь на кручи, сопочки,
Увидишь вас - и пропадёт тоска!

Приезжий люд любуется
На вас сплошные дни.
Идут, идут по улицам
Красавицы одни.
Причёсочки - с укладочкой,
В одежде - тонкий стиль.
Таинственны, загадочны

В циклоны вы и в штиль.

К чему вам гель смягчающий,
Вам не нужны крема –
Вас нежит увлажняющий
Морской густой туман.
На шпильках высоченнейших
Скользите в лёд, в снежок.
Загрангосподпочтеннейших
Вгоняя просто в шок.

С романтикой не ложною
Живёт в вас оптимизм.
Вас покорить возможно лишь,
Даря вам только жизнь.
Здесь так уж заповедано –
Живи, чтоб всё отдать.
Любить – так только преданно,
А ждать – так вечно ждать.

Владивостоковки, владивостокочки,
Надёжные и верные друзья,
Мои любимые владивостоковки
Не полюбить вас ну никак нельзя!

Владивосток – всем близкий город

Владивосток - вокзалы и причалы.
Призывный проблеск маяка.
Мне дружно чайки прокричали:
Смотри, как яхты облака!
Непросто улочек круженье,
Но в них дадут радушный кров,
И восхитит вас окруженье
Заливов, бухт и островов…
Здесь начинается Россия –
Материковая страна.
И каждый рельс туманно-синий
Поёт, как арфова струна.
Бесчисленные километры!..
И до Москвы как до луны.
Простор охватят только ветры,
Да фантастические сны.
Владивосток – всем близкий город,
Хоть от Москвы он так далёк.
Как волны моря сопки-горы,
И сердце просится в полёт!

Коронован город морем

Коронован город морем,
Ожерельем островов!..
Грудью встречь ветрам задорным
Воспарил он над простором,
Над затейливым набором
Яхт, судов и катеров
Взгромоздившись в сопки-горы,
Где подъём порою труден,
Он распахнут солнцу, морю
И ветрам весёлым встречь,
Он открыт приветно людям
Для радушных, добрых встреч!..

Моему другу – дворняге Мишке

Выйду утром рано-рано,
Дымки светят вдалеке
Стадом беленьких баранов,
Пить спустившихся к реке.
Всё в природе отдыхает,
В целом свете – ни души.
Лишь восторг мой не стихает
Среди утренней тиши…
Насладиться невозможно
Миром в этой тишине.
В такт ступает осторожно
Пёс, прибившийся ко мне.
Он идёт почти бесшумно,
Разрезая полутьму.
Хоть дворняга лишь, но умный –
Понимает что к чему.
Понимает – тишина мне
Даже оченно важна,
Видно, знает, что она мне
Больше прочего нужна.
Что оторван от природы,
Маюсь без неё весь век.
Он же, пусть и беспородный,
А живёт, как человек.
В поле солнышко встречает,
Лижет чистую росу
И совсем не замечает
Первозданную красу.
А чего её, красу-то,
Поминутно примечать,
Коль в любое время суток
Я могу её встречать. -
На меня он смотрит грустно,
Молвит взглядом из-под век: -
Съехал ты б на остров Русский,
Жил как я б, как человек.
Пёс мой, милый, я тоскую
По природе, по тебе,
Но собачью, городскую
Жизнь сменить не по судьбе…
Я глаза с тоскою прячу,
Видно, будет так весь век -
Жизнью буду жить собачьей,
Ну а он - как человек.

Приморье, мой край золотистый

Приморье, мой край золотистый,
Таёжный, богатый мой край,
Зимою здесь ветер неистов
И с рёвом, и с воем, и свистом,
А осень прекрасна, как рай.

Приморье, родное Приморье,
Морской беспредельный простор!
Люблю твои реки в предгорьях.
И в ало-малиновых зорях
Долины меж облачных гор.

Люблю твоих сопок гигантских,
Как волн исполинских, ряды,
Как в пенистых струях шампанских
Игру твоих волн океанских
На струнах подводной гряды.

Люблю твоих бухт ожерелье
И в сонной тиши острова –
Покой в них такой, что в апреле
Услышишь ты, как из-под прели
Уже прорастает трава.